

С. Я. Гаген*

ИДЕЯ «СЛУЖИЛОГО БОГАТСТВА» В ТРУДАХ М. В. ШАХМАТОВА¹

ИСТОРИК РУССКОГО ПРАВА М. В. Шахматов (1888–1943) фактически забыт современной наукой, несмотря на почти четверть века плодотворной научно-педагогической деятельности, уникальные исследования, а также публикацию ряда интереснейших памятников права, собранных им в двух археографических экспедициях (в Прибалтику в 1932 г. и в Югославию в 1938 г.) Главные причины этого забвения в том, что Запад *russica non leguntur*, а Родина, т.е. «Рим предателям не верит»². Другая причина забвения в том, что М. В. Шахматов принадлежал к многочисленному и ныне т.н. «среднему слою» ученых, которые разрабатывают в деталях и апробируют те идеи, которые выдвигают другие.

* Гаген Сергей Яковлевич, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета (Екатеринбург).

¹ Архив М. В. Шахматова является собственностью Академии Наук Чешской республики (*Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentačních a sbírkových fondů, fond Shachmatov* (далее – *ÚDU AV ČR, f. Shachmatov*). Научная обработка архива проводится с 2007 г. в Славянском институте АН ЧР (*Slovanský ústav AV ČR, v.v.i.*). Исследование поддержано РФНФ, грант № 07-03-18009е.

² Упоминания о М. В. Шахматове немногочисленны. См., например: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Белград, 1931. Вып. I. С. 365–366. (Библиография не полная, с ошибками в датах и с пропусками мест издания); Паушто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 52, 104–105 (М. В. Шахматов критикуется за «традиционный», т.е. немарксистский подход к истории, но заслуживает похвалы за основательную источниковую базу); Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 200; Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 200, 381; Демина Л., Мохначева М. Шахматов // Русское Зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 711. (Год защиты магистерской диссертации ошибочно указан 1926, вместе 1927); Чиняева Е. В. Русские интеллектуалы в Праге: теория евразийства // Русская эмиграция в Европе (20-е–30-е годы XX в.) М., 1996. С. 190. (Мстислав Шахматов ошибочно назван Михаилом); Сухарев Ю. Н. Материалы к истории русского зарубежья. М., 2002. Кн. 1. С. 533; Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939. / Сост. Н. А. Струве. Подг. Н. А. Струве, Т. В. Емельянова. М.; Париж, 2000. С. 195. (Упомянется в связи с выходом из Братства вслед за Г. В. Вернадским); Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института // Балтийско-русский сборник / Изд. подготовили Л. Флейшман, Б. Равдин // *Stanford Slavic studies*. Stanford, 2007. Vol. 28. S. 108; Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX в. (Хроника) / Сост. С. А. Александров. М., 1998. С. 86, 105, 129, 132, 141, 145, 212. (Не полный перечень публичных лекций М. В. Шахматова, прочитанный в 1920/40-е гг.); Вандалковская М. Г. Русские историки-эмигранты в Чехословакии // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. (По материалам международной конференции). М., 2005. С. 114. (М. В. Шахматов охарактеризован исключительно как исследователь «самобытной культуры Древней Руси и роли в русской истории великого князя Владимира Мономаха»).

Начало карьеры М. В. Шахматова – племянника известного русского филолога, исследователя древнерусских летописей А. А. Шахматова (1864–1920), было удачным, как и у многих даровитых юношей дворянского сословия в начале XX века, но как у большинства из них, «обещания судьбы» не исполнились и биография трагически разделилась на «до» и «после» 1917 г. В этом делении «после» означало бегство, болезни, военные тяготы, эмиграцию из России в Белград, а затем, после 1922 г., в Чехословакию³.

В межвоенной и военной Чехословакии М. В. Шахматов зарабатывал на жизнь преподавательской деятельностью, последовательно занимая должности приват-доцента, а затем, после защиты докторской диссертации⁴, профессора Русского Юридического факультета⁵ в Праге с 1927 г.⁶ После закрытия РЮФ, он преподавал также в Русском Народном университете⁷ и в Русском Свободном университете, состоял членом Русского Исторического Общества⁸ и почетным членом (с 1931 г.) Славянского института в Праге⁹, а также являлся сотрудником Словаря славянских юридических древностей, который готовила к изданию Академия наук Чехословакии¹⁰.

³ Подробнее о русской эмиграции в Чехословакию см.: *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 28–38; *Chinyeva E.* Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // *Slovanský přehled* 1993. № 1. С. 14–24; *Sládek Z., Beloševská L.* Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). (Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / Ред. З. Сладек, Л. Белошевская и коллектив авторов.) Praha 1998; *Sládek Z.* Ruská emigrace v Československu // *Slovanský přehled*. 1993. № 1. С. 1–13; *Sládek Z.* České prostředí a ruská emigrace (1918–1938) // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. 1919–1939. Méně známe aspekty.* (Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1919–1939. Менее известные аспекты темы / Ред. Л. Белошевской. Praha, 1999. С. 7–46; *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha, 1999; Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Ред. М.Г. Вандалковская. Москва, 2005.

⁴ ÚDU AV ČR, f. Shachmatov.

⁵ «Русский Юридический Факультет в Праге учрежден с разрешения Министерства Иностранных Дел и Министерства Народного Просвещения Чехословацкой республики, Правлением Союза Русских Академических Организаций за границей на основе Общего Устава Российских Университетов от 23 августа 1884 г. (с последующими изменениями, внесенными в него до октябрьского переворота 1917 года)». См.: *Русские в Праге в 1918–1928 гг.* / Ред. С. П. Постников. Прага, 1928. С. 83.

⁶ *Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918–1938.* Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике / В. Поданы, Г. Барвилова, кол. авт. Прага, 1995. С. 99.

⁷ «Русский Народный Университет, основанный в 1923 г. представляет собой чешско-русское просветительное учреждение и ведет свою работу на основании устава, зарегистрированного в 1925 г. в Министерстве Внутренних Дел Ч.С.Р.». См.: *Русские в Праге в 1918–1928 гг.* С. 96.

⁸ Русское Историческое Общество в Праге официально открылось 7 апреля 1925 г., но фактически существует с лета 1923 г. Председателем общества является выдающийся русский историк Е. Ф. Шмурло. См.: *Русские в Праге в 1918–1928 гг.* С. 50–51.

⁹ Славянский институт начал свою работу в 1928 г. Подробнее об истории института см.: *Bečka J.* Slovanský ústav v letech 1922–1963. // *Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti.* Praha, 2000. С. 19–38; *Beloševská L.* Slovanský ústav a ruská emigrace // *ibidem*. С. 85–88; *Sládek Z., Beloševská L.* Dokumenty ... С. 306.

¹⁰ По записям самого М. В. Шахматова. ÚDU AV ČR, f. Shachmatov.

Научные интересы М. В. Шахматова лежали в области истории русского права доимперского периода. В частности, в 1942 г. он занимался следующими предметами: 1) Акты Московского государства; 2) История философских, политических, религиозных идей Древней Руси; 3) Русские истоки славянофильства XIX в.; 4) История древнерусского права в сравнительно-историческом освещении; 5) Общеславянские черты в истории русского права; 6) Византийское влияние на древнерусское право; 7) Идеи и психологические предпосылки в развитии русского права, а кроме этого составление словаря терминов истории сербского права для словаря проф. К. Я. Кадлеца¹¹.

Предмет своих ученых занятий М. В. Шахматов определил в целом как «историю идей»¹². Как свидетельствуют материалы архива М. В. Шахматова, свои исторические изыскания он старался применить для разработки идеологии белого движения и основных принципов будущего государственного устройства России. Главная его задача заключалась в том, чтобы обнаружить некие базовые идеологические константы, свойственные правовой культуре русского народа с древнейших времен

Одной из таких идеологических констант, по мнению М. В. Шахматова является идея «служилого богатства», о котором вышло небольшое эссе в 1926 г. в Праге, переизданная в следующем году в Париже отдельной брошюрой¹³. Можно предположить, что эта работа была завершением серии публикаций по истории древнерусских политических идей. К этой теме относятся еще две его работы¹⁴, а также магистерская диссертация¹⁵.

Обращаясь к теме предназначения богатства в правовом учении Древней Руси, М. В. Шахматов замечает, что в то время признавались возможными два вида человеческого поведения: «1) стремящиеся быть совершенными должны были продать имение свое и раздать нищим, оставаться безбрачными, отречься от всяких благ света сего, – это монашествующие, черноризцы, подвижники;¹⁶ 2) не могущим вместить всего, мирянам разрешалось пользоваться земными благами, хотя и с известными ограничениями и в отношении брака¹⁷, и в отношении богатства¹⁸; и брак и богатство созданы Богом и потому не могут подлежать абсолютному осуждению; Кормчая Книга приемлет от мирских вещей «с чистотою и благочестием бывающее», постановляя: «женитвы сожитие чистое чтем и богат-

¹¹ По записям самого М. В. Шахматова. ÚDU AV ČR, f. Shachmatov.

¹² Шахматов М. В. Подвиг власти (опыт по истории древне-русских политических идей) // Евразийский временник. Прага, 1923. Т. III. С. 58, 62.

¹³ Шахматов М. В. Оправдание богатства: служебные цели богатства (очерк из истории древне-русских политических идей). Париж, 1927.

¹⁴ Шахматов М. В. Подвиг власти. С. 55–80; *Он же*. Государство правды (опыт по истории древне-русских политических идей) // Евразийский временник. Прага, 1925. Т. IV. С. 268–304.

¹⁵ Шахматов М. В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. I. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Книга I. Начало соборности. Книга II. Начало единоличной власти. Прага, 1927.

¹⁶ Остромирово Евангелие, Мф. 19, 11–12, 21. (Мф. 19, 11–12: «Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые сделали себя сами скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит». Мф. 21: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною».).

¹⁷ Мф. 19, 3–10, и многочисленные правила по этому вопросу Кормчих Книг.

¹⁸ Мф. 20, 25–28; Лк. 22, 24–27.

ства с правдою и добротворением не уничижаем» (здесь и далее выделено М. В. Шахматовым. – С. Г.)¹⁹; в нравоучительных сборниках встречаются даже изречения, наставляющие об уважении к богатству»²⁰.

В целом, приведенные М. В. Шахматовым материалы древних письменных памятников соответствуют данным дореволюционных этнографов, которые полагали, что в русской народной культуре «богатство являлось способом для возвышения. Внешние его признаки: одежда, порода лошади. Возвысившийся пользовался уважением: к нему идут за советом, при встрече отвешивают глубокий поклон, величают по имени-отчеству. Почет соединяется с общественной должностью»²¹. В целом, в народной среде нет принципиального отрицания богатства.

Однако наш исследователь подчеркивает то, что в древнерусском мировоззрении богатство обязательно было соединено с «правдою», т.е. со «своеобразной системой русского идеального права»²², которое «аналогично» понятию римского «естественного права»²³, и должно было служить не только источником наслаждения и удовлетворения личных амбиций и потребностей, но и, главным образом, являться средством служения обществу.

Следует заметить, что современные исследователи понимают под древнерусским термином «правда» не естественное право, но «обычно-правовую ментальность», которая не признает обратной связи, если последняя не имеет материального воплощения. Ибо «отдавая людям материальные блага», вождь, князь, царь, император, генсек и проч. «тем самым делился частью своей «харизмы», удачи, счастья. Поэтому считалось особенно почетным получить дары непосредственно из рук вождя»²⁴. В этом сравнении очевидна тенденция М. В. Шахматова поставить древнерусское право на один уровень с римским, хотя в то время имелась и другая точка зрения, близкая современной²⁵, которая считает подобное

¹⁹ Гангрского собора послание к епископам Армении // Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований / В. Н. Бенешевич. СПб., 1906. Т. I. С. 249.

²⁰ Стослов Геннадия // Шимановский В. Сборник Святослава 1076 г. Варшава, 1894. 2-е изд. С. 31а и сл., 45б и сл. «всякому богату главу свою поклоняй смирения ради». Цит. по: Шахматов М.В. Оправдание богатства: служебные цели богатства (очерк из истории древне-русских политических идей). Париж, 1927. С. 2, 7.

²¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенешева. На примере Владимирской губернии. СПб., 1993. С. 89. Цит. по: Бочаров В. В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юрико-антропологического анализа) // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 2004. Т. VIII. № 4. С. 185.

²² Шахматов М. В. Подвиг власти. С. 73.

²³ М. В. Шахматов поясняет: «Я говорю аналогичного, – ибо представление о естественном праве хотя и до некоторой степени существовало в древней Руси, но оно не получило еще достаточного развития и совершенно особого места в нашем древнем мировоззрении. Хотя в одном из славянских переводов XI столетия XIII слов Григория Назианзина дается совет родственникам заботиться друг о друге, «чиньми и законьми естественнымъ», однако, юридические термины того времени не были точно установлены и, вообще, понятия тогда еще не дифференцировались: целому ряду наших современных понятий соответствовало одно более обширное понятие древней Руси. В том числе, большей частью, и понятие, аналогичное понятию естественного права, входило в состав более обширных понятий «закона» и «правды». Там же. С. 69.

²⁴ Бочаров В. В. Обычное право собственности С. 186, 194.

²⁵ «Юридический обычай в древности и весьма долгое время затем обладает наибольшей из всех источников права силою обязательности, так что в старые времена господствует, можно сказать, верховенство юридического обычая над всеми остальными источниками права. Вследствие этого понятие обычноправового отождествляется с поня-

отношение к богатству не национальной особенностью русской правовой культуры, но пережитком обычного права, свойственного многим, если не всем, народам.

М. В. Шахматов полагает, что «идея служилого богатства» отражает влияние христианства на древнерусское право, так как она «ярче всего выражена в Евангельских словах: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»²⁶.

Идею «служилого богатства» можно обнаружить и в других сочинениях XI в.: «Если ты сподобился получить от Бога великие блага, великое богатство, то еще больше ты должен воздавать Ему, отверзая уши свои страждущему в нищете; если ты хочешь от всех честь иметь, *будь всем благодетель общий*; если ты хочешь учинить управу всем сущим под твоею властью; то поощрай добротворящих и удерживай злотворящих; имей таких друзей и советников, которое не все глаголемое тобой хвалят, но стараются отвечать тебе по праведному рассуждению; судьям подобает разумно выслушать прения на суде, ибо не удобно избрывать правду и наскоро решать дела; разумеи твердо, что «спасение твоего хранилища», заключается в том, чтобы никогда людина не обидеть; будь своим должникам «повинникам» страшен сана ради и «любезен» подаванием милости; *если силою ты превыше всех, тогда и в делах добрых подобает тебе подвизаться паче всех*; желая прощения своих грехов, прощай и сам пред тобой согрешением

тием правомерного вообще, с понятием справедливого, с понятием «правды»; обычное право это, выражаясь термином Штамллера, «правильное право» (das richtige Recht) для человека старых времен. Поэтому в старое время создается особая фикция обычного права для всей совокупности нередко разнородных по своему источнику правовых норм, которые должны быть отмечены в правосознании и правовой практике печатью особой, высшей, так сказать, верховной правомерности, а потому и особой верховной обязательности. Поначалу такой именно фикции было конструировано английское common law. Теми же чертами фикции характеризуется понятие «старого права» в Винодальском законе, далеко не архаическом по своему содержанию, и понятие «старинны» в истории русского права, той «старинны», которую обязывались свято хранить литовские господа («мы старинны не рухаем и новины не вводим»), и по которой «исправлял» Судебник царь Иван Васильевич всяя Руси. Когда первоначальное значение обычая начинает ослабевать под натиском и давлением закона, на известное время устанавливается, так сказать, двоевластие этих двух основных источников права. Это двоевластие проявляется в различных формах. Среди них особенный интерес представляет размежевание господства указанных источников права по началу сословных различий, когда командующие сословия живут по закону, а подвластное сословие продолжает жить по обычному праву. Наибольшей, по видимому, резкостью и длительностью отличалось такое состояние в России, где крестьянство должно было под действием обычного права до самой революции 1917 г. ... Другим важным проявлением указанного двоевластия является то, что обычное право поставляет материал для законодательства и неизменно сохраняет значение субсидиарного источника, необходимого для толкования законов и восполнения пробелов в законодательстве. Эту свою функцию и это свое значение обычное право теряет только в эпоху окрепшего влияния на законодательство рационалистической школы естественного права, главным образом и окончательно в XVIII веке». *Тарановски Т.* Предмет и задача т.н. внешней истории права // Записки Русского научного института в Белграде. 1930. Вып. 1. С. 78–79.

²⁶ Мф. 20, 26–27; Лк. 22, 26. Ср. также в первом послании Св. Ап. Павла к Тимофею: «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога Живого, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны (разрядка М. В. Шахматова. – С. Г.), собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни». (Гф. 4, 17–19).

шающих, – прощающий рабов своих, свободен бывает от божьего гнева; тогда наречется кто-либо истинный властелин, когда сам собою обладает и темным похотям не работает; смерти, гонения и всякие беды твоих ближних да будут пред очами твоими, во все дни и часы, поступай так с рабами твоими, как ты хотел бы, чтобы Бог поступил с тобою; не оправдай несправедного, хотя бы он был тебе другом, не обижай праведного, хотя бы он был тебе врагом; не достоин слушаться клеветника, сладко тебе глаголющего против ближнего твоего, да не изгубишь любви Божьей и Царства Небесного»²⁷.

Анализируя «Наставление богатым», М. В. Шахматов выделяет две главные особенности его содержания: «1) Наставление полагает, что богатство не только сопряжено для его обладателя с правами на вещи и действия других лиц, но одновременно налагает на него обязанности и в отношении к себе, и в отношении к обществу (ближним)²⁸. Богатый гораздо строже обыкновенных людей должен соблюдать заповеди о стремлении к нравственному совершенству, для него богатство должно быть преимущественно своего рода формой общественного служения, способом для исправления общественных недостатков и бедствий. 2) Наставление не отличает в этом отношении государственной власти от частной собственности или владения: и то и другое сливаются в одном синтетическом понятии «богатства», представляя собою лишь его разновидности»²⁹.

Повышенное внимание к нравственному совершенству богатых людей, по мнению современного исследователя В. В. Бочарова, связано не с влиянием христианских норм на русское право, но с тем фактом, что обычно-правовая ментальность увязывает любое обогащение, даже произведенное собственным трудом, с происками «нечистой силы»³⁰.

Идея «социальной ответственности», соединенное с требованием от богатых людей нравственного совершенства, вкуче с мыслью о неразделимости власти и богатства свойственно и «многим другим произведениям древнерусской переводной и самобытной письменности», что говорит, по мнению М. В. Шахматова об отсутствии «точного разграничения в древней Руси между понятиями власти и частной собственности», как одним из проявлений «недифференцированности публичного и частного права. Она замечается при рассмотрении понятий духовных и договорных грамот великих и удельных князей³¹, системы Русской правды, договоров с Греками и Немцами, Судебников, рассуждений летописцев и записанных в летописях княжеских слов»³².

Современные исследователи также замечают неотделимость государственной власти от частной собственности или владения, проявляющуюся на многих примерах из современной российской действительности. На основании этого делается вывод о том, что, пожалуй, нет никакой необходимости доказывать тот тезис, что и современное «постсоветское» чиновничество не изжило «искренней и глубокой убежденности» в том, что «богатство» неотделимо от «власти» и по

²⁷ Наказание богатым // Шимановский В. Сборник Святослава 1076 г. С. 246 и сл. Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 3.

²⁸ Ср. с неоднократно озвученной бывшим президентом В. В. Путиным идеей «социальной ответственности бизнеса».

²⁹ Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 3–4.

³⁰ Бочаров В. В. Обычное право собственности.... С. 189.

³¹ Ср.: Чичерин Б. Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М., 1858. Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 7.

³² Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 4.

своей сути является просто другим именем власти. С данной обычно-правовой ментальностью, по мнению некоторых авторов, связано и то, что «коррупция стала нормой российской жизни»³³. Похожие взгляды обнаруживаем и у Р. Пайпса, который на этом основании вообще отрицает наличие частной собственности в Московском царстве, полагая, что уже в это время Россия была разновидностью современного «полицейского государства»³⁴.

По мнению М. В. Шахматова, древнерусская правовая идеология стремилось оправдать некими высшими ценностями сам факт социального неравенства в распределении благ, а также найти подходящие формы использования имеющегося неравенства для укрепления русской государственности. Оправдание личного богатства «древняя Русь видела в служебных целях богатства, а лучшими формами его устройства в действовавшем тогда строе считала: 1) для власти – образ правителя-добротного пастыря, пекущегося об овцах своих, добротного страдальца за землю Русскую³⁵; 2) для частной собственности и владения – служилое землевладение в виде служилой вотчины, ограниченного размера и мелкого помещного владения»³⁶.

Так, в ранний период русской истории «о служебном значении власти много говорит Владимир Мономах в своем «Поучении», а летописцы провозглашают князя, так думающего, высшим идеалом правителя, добротным страдальцем за землю Русскую³⁷. Лучшим князем считался тот, кто полагал главной целью своей власти благо Русской земли и христиан³⁸.

В более позднее время, в период Московского государства «В «Житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» подробно перечисляются служебные цели власти и следование им вменяется в обязанность всем князьям: «да, се слышащее царие и князе научитесь тако творити»³⁹. «Послание архиепископа Ростовского Васиана к в. князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержцу на Югру о храбрском подвиге противу безбожных Татар за православное христианство Богом дарованные ему державы Русского царствия» считает царя «пастырем добротным», обязанным во всех отношениях, духовных и мирских пецися о врученном ему от Бога словесном стаде Христовых овец и о своем отечестве земле Русской⁴⁰ (ссылаясь при этом на философа Демокрита)⁴¹. Согласно «Приговору царскому о кормлениях и о службе», царь тщится поручить

³³ Бочаров В. В. Обычное право собственности С. 187–189.

³⁴ Pipes R. Russia under Old Regime. New York, 1974. P. 64–65, 93, 110.

³⁵ Шахматов М. В. Подвиг власти (опыт по истории древне-русских политических идей) // Евразийский временник. Прага, 1923. Т. III. С. 55–80.

³⁶ «Об ограничении размеров служилого землевладения см. «Приговор», который осуждает завладение «многими землями»: всякий должен получить «комуждо что достойно», «по достоянию», «против их трудов» (по заслугам), «по их отечеству и службе», «вправду», т. е. по лестнице родовитости и заслуг, преизлишки должны быть разделены неимушим». Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 6, 8.

³⁷ Ипатьевская летопись. 6634. Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 7.

³⁸ «Русские дела земля и христьянь деля». Ипатьевская Летопись 6656. Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 8.

³⁹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 108–113. Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 8.

⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 200–203. Цит. по: Шахматов М. В. Оправдание богатства. С. 5, 8.

⁴¹ История философии в СССР. М., 1968. Т. 1. С. 173.

ченное ему государство соблюсти и устроить во всем правду, оборонить от бурсурман и латын, промышляет о душах своих овец, об их пище и одежде»⁴².

Во время сложения поместной системы «идея служебных целей частной собственности и частного владения развивается в Московской письменности применительно к служилому землевладению. Оно изображается не как нечто приходящее, соответствующее временным условиям тогдашней жизни, а как нечто идеальное, соответствующее абсолютной правде. В приговоре царском о кормлении и о службе осуждаются те вельможи и войны, которые многими землями завладели, а службою оскудели, которых служба не соответствует величине их собственных вотчин и государево жалование «поместий». Здесь царю вменяется в заслугу, что он учинил с вотчин и поместий «уложеную службу», т.е. организовал служилое землевладение. Издавший этот закон властелин объявляется «царем правде», истинным и добрым пастырем, его действия – соответствующими правде нелицемерной. Царь тщился в своих делах, порученные ему от Бога государства соблюсти и устроить, как подобает по справедливости, «и все государь строяше», как бы строение воинство и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду»⁴³.

Наш исследователь называет три причины необходимости идеологического оправдания личного обогащения: «(1) религиозное размышление над мирскими делами, 2) народное стремление к усовершенствованию государственного строя, 3) общественный протест против крайностей слишком ригористического проведения в жизни начал эгоистической частной собственности»⁴⁴.

Следует отметить, что современные исследователи приходят, в целом, к тем же выводам, но считают идею «служилого богатства», или, говоря современным языком, «социальной ответственности бизнеса», чем-то устаревшим, относящимся к отдаленным временам обычного права: «Богатство власти, имевшее статус коллективной собственности по обычному праву, приобретало легитимность в глазах подданных, если использовалось в их интересах. Если же этого не происходило, то нарастало ощущение поправной справедливости, что провоцировало людей на действия по ее восстановлению»⁴⁵.

Таким образом, идеи М. В. Шахматова о древнерусском правовом мировоззрении, хотя и не во всем совпадают с современными взглядами, все же дают новый взгляд на проблемы, которые до сих пор остаются в поле зрения исследователей.

Принципиальный тезис М. В. Шахматова заключается в различении правового государства Запада и «государства правды», которое органично для России: «Государство правды и правовое государство это два различных мировоззрения. На стороне последнего, большей частью, материалистические стремления, деятельность ради маленького ежедневного счастья людей, ежедневной суеты зем-

⁴² ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. С. 267–268. Цит. по: *Шахматов М. В.* Оправдание богатства. С. 5, 8.

⁴³ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. С. 267–268. Цит. по: *Шахматов М. В.* Оправдание богатства. С. 8. «Царь, по мнению излагателя приговора, вводил меру, соответствующую абсолютному идеалу, для него служилая вотчина и поместье были наиболее желательными формами собственности и владения». Там же. С. 5.

⁴⁴ «И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели изо многих лет презрев страх Божий и государские уставы и много злокозненных дел на них учиниша ...» (Приговор). Цит. по: *Шахматов М. В.* Оправдание богатства. С. 8.

⁴⁵ *Бочаров В. В.* Обычное право собственности С. 194.

ной. На стороне государства правды – красота религиозного пафоса, неустанный труд государственного строительства, культ сильной и яркой личности, умножение накопленных предками богатств и мистика мученического подвига ради высшего идеала. Правовое государство – правление серых, будничных людей; государства правды – правление героя, подвижника, великомученика. Где нет героя на престоле, хотя бы в представлении народа, там нет и правды, а только ее подделка... Правовое государство слишком узко для широких просторов Руси, для широкого размаха ее гения. Русская политическая мысль приносит в построение государственного идеала нечто новое, ей по преимуществу свойственное. Не довольствуясь установлением правового государства и власти учреждения, русский народ в течении веков требовал от власти гораздо большего и юридически сверхдолжного, он требовал подвига, самопожертвования, творческого страдания»⁴⁶.

Разумеется, после целой череды больших и малых диктаторов, требовавших от своих народов разнообразных «подвигов» и самопожертвований, приведенные размышления М. В. Шахматова вряд ли возможно принять без оговорок. Однако, в приведенной цитате затронута вечная проблема соотношения идеальных и материальных стимулов в истории и приводится справедливая мысль о том, что благополучное в материальном смысле общество, лишенное высоких идеалов не может быть совершенным. И хотя многие считают, что «низкие мотивы придают больше энергии, чем высокие»⁴⁷, а «низшее изначально наделено силой, а высшее бессильно»⁴⁸, все же вряд ли стоит только за «низменным» и «материальным» признавать ведущую роль в истории. Так, Френсис Фукуяма в своей знаменитой работе предостерегает: «И на самом деле, люди доказали, что способны переносить любые материальные невзгоды во имя идей, существующих исключительно в сфере духа, идет ли речь о священных коровах или о Святой Троице»⁴⁹. Он замечает, что «современные историки склонны усматривать причины подобных конфликтов (речь идет о религиозных конфликтах в Византийской империи. – С. Г.) в антагонизме между общественными классами или при бегая к другим экономическим категориям; они никак не хотят понять, что люди способны убивать друг друга, всего лишь разойдясь в вопросе о природе Троицы»⁵⁰.

С этой точки зрения любая собственность нуждается в идеологическом оправдании для того, чтобы ее передел не стал постоянным занятием населения. Идея «служилого богатства» является, по мнению М. В. Шахматова, той самой идеологической константной древнерусской правовой культуры, которая служит укреплению общества.

⁴⁶ Шахматов М. В. Подвиг власти. С. 78–79.

⁴⁷ Weil S. La Pensée et la Grâce. Paris, 1947. P. 3.

⁴⁸ Scheler M. La Situation de l'Homme dans le Monde. Paris, 1951. P. 85.

⁴⁹ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 139.

⁵⁰ Там же. Прим. 10.